
ПСИХОНЕВРОЛОГИЯ

в художественной литературе

Составители:

Ю.И.Строев

Л.П.Чурилов

Москва
2021

УДК 616.89:82
ББК 56.1:83.3(0)
П86

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в любой форме и любыми средствами без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Иллюстрация на обложке. Иероним Босх (?). Извлечение камня глупости. 1475–1480. Доска, масло. 48×35 см. Музей Прадо, Мадрид.

Составители благодарят за идею оформления обложки доцента СПбГУ Владимира Иосифовича Утехина.

**Психоневрология в художественной литературе / сост. Ю.И.Строев, П86 Л.П.Чурилов. – Москва, 2021. – 608 с. : ил.
ISBN 978-5-00030-849-3**

В книге собраны отрывки из прозаических и стихотворных произведений 38 отечественных и 22 зарубежных литераторов – от классиков до современников, отражающие в художественной форме этиологию и проявления различных психических и неврологических болезней и синдромов. Среди них – художественные произведения писателей-врачей и писателей-пациентов. Составители альманаха – врач и патолог из Санкт-Петербургского государственного университета, занимающиеся изучением этиологии и патогенеза психоневрологических нарушений при иммуноэндокринных заболеваниях. Книга исходит из того, что медицина не только наука, но часть культуры человечества, связанная со здоровьем и болезнями, а природа познания и законы творчества таковы, что наиболее эффективно эти формы человеческой деятельности осуществляются на междисциплинарной основе, при взаимном проникновении рационального и чувственного подходов, «поверх барьеров» специализации. Издание представляет интерес не только для практикующих врачей, включая психиатров, неврологов, наркологов, терапевтов, но также для всех читателей, интересующихся науками о человеке (и его поведении), для патологов, психологов, историков, философов, социологов, литературоведов, университетских преподавателей и студентов, книголюбов, для всех, кто стремится расширить свою эрудицию и обогатить свое научное и профессиональное мышление чувственным восприятием мира патологии. Альманах снабжен авторским предисловием, анализирующим роль врача как носителя и создателя культуры и языка, взаимоотношения медицины и литературы, портретами литераторов, чьи произведения включены в подборку, а также авторским указателем 350 писателей-врачей и библиографией.

УДК 616.89:82
ББК 56.1:83.3(0)

ISBN 978-5-00030-849-3

© Строев Ю.И., Чурилов Л.П.,
составление, 2021

Посвящается врачу и поэту
Илье Геннадьевичу Зыкову (1953–2001)

*Каждый нормальный человек на самом деле
нормален лишь отчасти.*

З.Фрейд. Оговорки

*Индивид, нормальный во всех отношениях,
представляет собой явление наиболее
необычное из всех существующих.*

Р.Уильямс. Биохимическая индивидуальность

Юрий Иванович Строев

(родился в 1940 г. в Орловской обл.)

Профессор кафедры патологии медицинского факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), академик Петровской академии наук и искусств, известный в России и далеко за ее пределами терапевт-эндокринолог с 57-летним врачебно-педагогическим стажем, консультирующий до 3000 пациентов в год. Окончил Ленинградский педиатрический медицинский институт (ЛПМИ) (1963 г.), в 1984–1990 гг. заведовал кафедрой госпитальной терапии ЛПМИ. С 2003 г. работает в СПбГУ, являясь его кадровым сотрудником. Научные интересы: общая терапия, эндокринология, кардиология, подростковая медицина, клиническая патология, медицинская этика и деонтология. Опубликовал более 560 научных работ, включая 7 монографий. Неоднократно был гостевым лектором и сопредседателем либо приглашенным докладчиком на научных конференциях в разных странах. Ряд его трудов, в том числе учебно-методических, издан за границей (клинические рекомендации по питанию при язвенной болезни – в Греции, главы в международной монографии по аутоиммунитету – в США, лекция по иммуноэндокринным аспектам геронтологии – в Гонконге, КНР). Участник многочисленных отечественных и зарубежных конгрессов (Канада, Китай, Португалия, Румыния, Украина, Япония). Регулярно выступает как приглашенный лектор в рамках школ-семинаров для непрерывного образования врачей, организуемых Московским областным научно-исследовательским клиническим институтом им. М.Ф.Владимирского и Российской медицинской академией последипломного образования (Москва). Является почетным членом Санкт-Петербургского общества терапевтов имени С.П.Боткина. Один из пионеров тепловидения в медицине (награжден медалью ВДНХ). Член редакционной коллегии журнала «Клиническая патофизиология». За обучение иностранных студентов награжден грамотой правительства Йемена. Увлечения Ю.И.Строева – искусствоведение, литература, поэзия, путешествия. Автор ряда работ по литературе и искусству, в частности тургеневедению и пушкинистике. Имеет опубликованные подборки стихотворений.

Леонид Павлович Чурилов

(родился в 1956 г. на Кольском Севере)

Заведующий кафедрой патологии медицинского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, заместитель руководителя лаборатории мозаики аутоиммунитета СПбГУ, созданной по мегатранту Правительства РФ, академик Международной академии наук «Здоровье и экология», член-корреспондент Международной академии наук высшей школы. Окончил Ленинградский педиатрический медицинский институт (1979 г.). Опубликовал более 700 научных трудов, около 30 монографий, руководств и учебников. Создал учебный комплекс «Патофизиология», включающий авторский трехтомный учебник и практикум, положенные в основу преподавания во многих вузах России и других стран и многократно переизданные. Направления научных интересов – иммуноэндокринология, патофизиология, аутоиммунитет, биотермодинамика, медицинская экология (награжден за медико-экологические исследования Президиумом РЭА медалью им. М.В.Ломоносова), фтизиопульмонология, история медицины и биоэтика. Один из самых цитируемых ученых-медиков Санкт-Петербурга. Лауреат II Всесоюзного конкурса на лучшее исследование по патофизиологии и премии V Всемирного конгресса патофизиологов, премии СПбГУ «За педагогическое мастерство», соавтор и декан первой в истории отечественного медобразования программы англоязычного медицинского обучения, за что удостоен почетного диплома Сената штата Нью-Йорк. Награжден почетными грамотами СПбГУ «За научные труды», «За педагогическое мастерство», «За вклад в воспитание врачей нового поколения», «За выдающийся вклад в развитие международных контактов», Почетной грамотой Минобробразования РФ за долготелный добросовестный труд. Член Санкт-Петербургского отделения Международного общества патофизиологов, зарубежный член правления Общества патофизиологов Украины, член редколлегии ряда отечественных и зарубежных научных журналов (Autoimmunity Reviews, «Биосфера», Biomedical Research and Clinical Communications, «Клиническая патофизиология», Romanian Medical Journal, Russian Biomedical Research и др.), награжден грамотами и медалями Общества патофизиологов, Санкт-Петербургской духовной академии, Правительства Йемена, а также гражданских и военных университетов Китая. Увлекается футболом, философией, поэзией, литературой, имеет опубликованные подборки стихов и сатирико-юмористической прозы.

Содержание

Предисловие.....	8
Айтматов Чингиз Торекулович.....	14
Амосов Николай Михайлович.....	19
Андреев Леонид Николаевич.....	20
Базен Эрве.....	30
Боби Жан-Доминик.....	43
Булгаков Михаил Афанасьевич.....	56
Бунин Иван Алексеевич.....	85
Вересаев (Смидович) Викентий Викентьевич.....	88
Волков Кирилл Алексеевич.....	96
Выгодская Эмма Иосифовна.....	106
Высоцкий Владимир Семенович.....	109
Галич (Гинзбург) Александр Аркадьевич.....	112
Гете Иоганн Вольфганг.....	115
Гейне Генрих.....	117
Гоголь Николай Васильевич.....	118
де Гонкур, братья Жюль и Эдмон.....	137
Гончаров Иван Александрович.....	143
Горький (Пешков) Алексей Максимович.....	149
Джером Клапка Джером.....	157
Дик Роман.....	162
Диккенс Чарльз Джон Хаффем.....	164
Достоевская Анна Григорьевна.....	167
Достоевский Федор Михайлович.....	170
Дюма Александр.....	175
Есенин Сергей Александрович.....	186
Ефремов Иван Антонович.....	189
Золя Эмиль.....	206
Короленко Владимир Галактионович.....	220
Кронин Арчибальд Джозеф.....	241
Куприн Александр Иванович.....	246
Леонардо ди сер Пьеро да Винчи.....	256

Липатов Виль Владимирович	257
Лиханов Альберт Анатольевич.....	291
Маршалл Алан.....	317
Массаротто Сирил.....	322
Маяковский Владимир Владимирович.....	372
Мопассан Ги де.....	377
Мугуев Хаджи-Мурат Магометович.....	391
Набоков Владимир Владимирович.....	396
Некрасов Николай Алексеевич.....	411
Одоевский Владимир Федорович.....	414
Островский Николай Алексеевич.....	421
Пирогов Николай Иванович.....	427
По Эдгар Аллан.....	428
Пушкин Александр Сергеевич.....	432
Романов Владимир 2.....	439
Саган (Куаре) Франсуаза.....	441
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович.....	448
Сервантес Сааведра Мигель де.....	466
Славин Лев Ицкович.....	474
Суворин Алексей Сергеевич.....	483
Толстой Лев Николаевич.....	484
Тургенев Иван Сергеевич.....	500
Флобер Гюстав.....	537
Цвейг Стефан.....	544
Чехов Антон Павлович.....	563
Черный Саша.....	585
Шолохов Михаил Александрович.....	586
В заключение... ..	592
Маковецкий Михаил Леонидович.....	593
Литература.....	597
Приложение. Список врачей-литераторов всех времен и народов.....	598

Предисловие

К мысли издать настоящий альманах мы пришли в ходе научных исследований психоневрологических проявлений при некоторых эндокринных заболеваниях, в частности при хроническом аутоиммунном тиреоидите (энцефалопатия Хасимото). Эти исследования проводятся нами под руководством видного израильского клинициста и иммунолога профессора Иегуды Шенфельда в рамках мегагранта Правительства РФ (договор №14.W03.31.0009 от 13.02.2017). Научные данные свидетельствуют о том, что определенная часть всех так называемых психически больных в мировой практике имеют, оказывается, не первичное психическое заболевание, а нераспознанные иммунологические и иммуноэндокринные нарушения, например аутоиммунные энцефалиты или тиреоидит с исходом в гипотиреоз [15]. Поведение человека – результат интегративной деятельности его иммунонейроэндокринного аппарата, проявляющейся через метаболизм.

Яркие внешние симптомы эндокринных, неврологических и психических болезней, их тесная связь с поведением человека явились причиной того, что прежде всего именно этой медицинской проблеме нашлось место в мировой художественной литературе.

Многие выдающиеся писатели, возможно, и стали таковыми именно потому, что имели медицинское или медико-биологическое образование, а отдельные литераторы, верные клятве Гиппократа, всю жизнь удачно совмещали эти два рода деятельности, как, например, А.П.Чехов [6] или Артур Конан Дойл. Именно таким писателям удалось создать ставшие хрестоматийными шедевры человековедения благодаря разумному использованию накопленных медицинских знаний и опыта врачебной практики, а также особого, свойственного только врачам понимания нравственного состояния героев своих произведений [1–3, 6, 8–10]. В классической художественной литературе нередко выписаны яркие образы врачей с безупречной культурой и высокой нравственностью. И крылатые выражения о высокой нравственности принадлежат писателям-врачам. Достаточно вспомнить чеховское: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Именно поэтому в подавляющем большинстве классических произведений прошлого медики представлены именно как носители культуры. Да и целый ряд известных отечественных и зарубежных писателей, поэтов и философов, то есть создателей письменного языка и письменной

культуры своих народов, будучи по образованию (а порой и по профессии) врачами, внесли громадный вклад в формирование языков и литератур, сбор и обработку национальных эпосов. Вот только самые известные из них, представляющие литературу в широчайшем диапазоне – от религиозно-философских и этических произведений и эпических саг до сатиры, детективов и фантастики: Аристотель, евангелист Лука, Авиценна, М.Нострадамус, Ф.Рабле, Н.Коперник, Ф.Скорина, Данте Алигьери, Т.Смоллетт, Дж.Китс, Ф.Шиллер, Г.Меркель, Ф.Крейцвальд, Э.Леннрот, В.И.Даль, А.Конан Дойл, А.Дж.Кронин, Э.Сю, А.Шницлер, А.П.Чехов, М.А.Булгаков, В.В.Вересаев (Смидович), Я.Корчак, С.Моэм, А.Швейцер, Л.Буссенар, Л.-Ф.Селин, С.Лем, М.Крайтон, А.Мунте, Р.Кук, В.П.Аксенов, Г.И.Горин, А.М.Арканов (Штейнбок), Н.М.Амосов, С.В.Ботвинник, О.Сакс, К.Абэ, Ю.З.Крелин (Крейндлин), С.В.Лукьяненко [1, 5, 7, 8].

Медицина в их лице порой ничего не потеряла, так как эти писатели самореализовывались и как врачи, а сколько приобрела! Многие философы, публицисты и литераторы, по крайней мере, учились на врачей или фельдшеров, посещали лекции по медицинским наукам как вольнослушатели, хотя в итоге избрали другие профессии (например, Д.Дидро, И.-В.Гете, Н.А.Заболоцкий, Н.С.Лесков, С.В.Ковалевская (Корвин-Круковская), Н.Н.Миклухо-Маклай, Д.Н.Мамин-Сибиряк, Г.Стайн, Н.В.Успенский, В.Н.Фигнер, О.Хаксли, К.Х.Села, Дж.Джойс, Г.Сенкевич, А.Кристи и др.). Потрясающие стихи о войне написала медсестра Ю.В.Друнина. А Мигель де Сервантес Сааведра был сыном странствующего лекаря.

Все это не случайно: медицина – не только наука, но и искусство в широком смысле слова [3, 17]. Это часть культуры человечества, связанная со здоровьем и болезнями, поэтому она, основываясь на естествознании, вбирает элементы разных форм общественного сознания: искусства, морали, права, бизнеса и даже мифологии и квазирелигии. Врач, таким образом, является одним из создателей культуры. Его профессия требует наблюдательности, прикладного человековедения, дает ему богатый жизненный материал, ибо он чаще других видит драматические ситуации, участвует в них, чувствует людскую боль, будучи действенным гуманистом, а не созерцателем или рассуждателем, иногда даже вынужден причинять боль и лучше других знает цену жизни и смерти [1, 2, 10, 11, 13].

Глубочайшие положения, отражающие роль реактивности в патологии и мозаичный характер болезней, состоящих из патологических процессов, принадлежат не врачу или патологу, а именно великому писателю Л.Н.Толстому: «Каждый живой человек имеет свои особенности

и всегда имеет особенную и свою новую, сложную, неизвестную медицине болезнь легких, печени, сердца, кожи, нервов и т.д. ...болезнь, состоящую из бесчисленных соединений страданий этих органов». Это, как и блистательное, проникновенное описание состояния тяжелообольного, умирающего человека в «Смерти Ивана Ильича», вышло из-под пера того, кто ни дня не провел на медицинском факультете: у величайшего мыслителя Л.Н.Толстого за плечами формально были только полтора года на восточном факультете Казанского университета и оконченная Школа артиллерийских прапорщиков на Кавказе.

Нельзя не заметить, что многие литераторы-медики отличались оригинальностью и парадоксальностью языка и мышления, были острыми сатириками, носителями и создателями национального юмора. Врач так много видит страшного и тяжелого, что юмор для него и его пациентов – защита. Афористичные цитаты из чеховских и булгаковских произведений стали частью русского национального юмора [1]. Некоторые медики создавали только специальную и учебную литературу, но блистательное чувство юмора и тут их не покидало [1, 12], сделав их учебники культовыми: «Диагноз ожирения доктор ставит пациенту, столь же толстому, как он сам, если только этот пациент ему не нравится», «...достаточно выглянуть в окно, чтобы увидеть, как свирепствует в стране эпидемия ожирения» и, наконец, «пигмент татуировок имеет неприятную способность персистировать *in situ* все время жизни кожных макрофагов, создавая трудности, если кто-то хочет жениться на “Элис”, а украшающая его татуировка соблазнительно именуется “Мэри”» – все это цитаты из более чем серьезного специального труда, блистательного учебника патологии американца С.Л.Роббинса (1915–2003), который сильнее всех других повлиял на умы врачей во всем читающем по-английски мире, и не в последнюю очередь благодаря тому, что его автор, воспитанный на произведениях М.Твена (С.Клеменса), Ч.Диккенса и О.Генри (С.Портера), был носителем национальной литературно-юмористической традиции, хотя художественной прозы никогда не писал.

Врач обязан быть критичным в своем клиническом мышлении диагноста, парадоксальным образом должен пробуждать в больном оптимизм, при этом будучи внутренне пессимистом, готовым к худшему. Но не в этом ли секрет и большой художественной литературы? Привнося же этот критицизм в осмысление окружающей действительности, врач, при известном таланте и последовательности, может вырасти в публициста, обличителя, сатирика, трибуна, пророка или новатора литературы, показывающего обществу его самое в совершенно неожиданном и

точном ракурсе или рисующего будущее без прикрас. Познав величие человека как биологического существа, наблюдая социальные корни болезней, истинный врач не может смириться с социальным унижением человека. «Врачи – естественные адвокаты бедных, и значительная часть социального вопроса входит в их юрисдикцию», – говорил «отец патологии» профессор медицины Р.Вирхов (1821–1902), одновременно – один из самых авторитетных левых политиков и ярких ораторов в германском рейхстаге. Гениальный дар наблюдать и сочувствовать собрату-человеку, широта интересов и мышления позволили ряду писателей без медицинского образования достигнуть при создании художественных произведений профессионального с точки зрения врачей описания психоневрологических расстройств. Полагают, что Чарльз Диккенс (кстати, сам страдавший тяжелой подагрой) перевел на язык литературы фактически клиническую картину почти всех заболеваний своего времени. Не случайно расстройство дыхания и сна при ожирении, описанное им у одного из героев «Посмертных записок Пиквикского клуба», послужило основой для включенного во все медицинские классификации эпонима – «синдром Пиквика».

Поэтому такую высокую оценку познаний в медицине привели современники в некрологе Чарльза Диккенса: «Какую огромную пользу медицине могли принести способности к столь внимательному наблюдению и столь наглядному описанию, если бы их обладатель посвятил себя врачебному искусству». А великий психоневролог В.М.Бехтерев утверждал, что Ф.М.Достоевский «создавал своих героев такими живыми, что целые поколения психиатров учились, заглядывая в его романы». Наверное, не многие знают о том, что знаменитый немецкий писатель-врач Фридрих Шиллер впервые в мире ввел в практику психиатрии трудотерапию. Некоторые писатели, как и упомянутый выше Чарльз Диккенс, сами страдали тяжкими болезнями, что позволяло им на основании личных ощущений и переживаний создавать настоящие художественные бестселлеры (например, картины собственных болезней ярко описали в художественной форме Михаил Булгаков, Кирилл Волков, Эрве Базен, Жан-Доминик Боби, Николай Островский). Печальная участь погибнуть от нарушения мозгового кровообращения постигла, в частности, Леонардо да Винчи, Ч.Диккенса, В.Скотта, Мари-Анри Бейля (Стендаля), В.Гюго, Д.Дидро, И.А.Крылова, М.Е.Салтыкова-Щедрина, В.Аксенова и др. [8, 9].

Отдельные великие писатели, к примеру И.С.Тургенев, использовали при создании своих произведений сведения, почерпнутые в ме-

дицинской прессе. Прочитавший роман «Отцы и дети» писатель-врач А.П.Чехов отозвался о нем так: «Боже мой! Что за роскошь «Отцы и дети»! Просто хоть караул кричи. Болезнь Базарова сделана так сильно, что я ослабел, и было такое чувство, как будто я заразился от него. А конец Базарова? А старички?.. Это черт знает, как сделано. Просто гениально». Но как же удалось И.С.Тургеневу, не медику, так реалистично воспроизвести картину болезни и агонии заразившегося тифом от пореза при вскрытии тифозного больного доктора Евгения Базарова? Вряд ли он когда-либо при таком событии присутствовал. Нам впервые удалось доказать, что медицинские сведения о тифе и его последствиях он почерпнул, добросовестно проштудировав издававшийся в ту пору в России журнал «Друг здравия» (1855), который он честно упоминает в романе «Отцы и дети» (как стоящий на полке у отца Евгения Базарова – земского врача). В этом журнале – и как раз в упоминаемом И.С.Тургеневым томе – подробно описана клиника тифа и два случая заражения французских врачей – Мишеля и Квеснеля, случайно порезавшихся при аутопсии заразных трупов [11].

Великие медики в своих лучших научных произведениях сближались с великими писателями, порой поднимаясь до высот художественного слога. Чего стоят одни только блистательные с литературной точки зрения строки из основополагающего труда по нейрофизиологии «Рефлексы головного мозга» И.М.Сеченова! Они поистине заражают читателя интересом и любовью к новой для того времени отрасли медицинских наук: «Все бесконечное разнообразие внешних проявлений мозговой деятельности сводится окончательно к одному лишь явлению – мышечному движению. Смеется ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к родине, дрожит ли девушка при первой мысли о любви, создает ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге – везде окончательным фактом является мышечное движение. ...Очень часто, если не всегда, к ясной по содержанию ассоциации, например к зрительно-слуховой, примешивается темная мышечная, обонятельная или какая другая. По резкости первой вторая или вовсе не замечается, или очень слабо. Тем не менее она существует, и достаточно прийти ей на миг в сознание, чтобы вслед за тем выступило и зрительно-слуховое сочетание. Пример: днем я занимаюсь физиологией, вечером же, ложась спать, думаю о политике. При этом случается, конечно, подумать иногда и о китайском императоре. Этот слуховой след ассоциируется у меня, следовательно, с ощущениями лежания в постели: мышечными, осязательными, термическими и пр. Бывают дни, когда

или от усталости, или от нечего делать ляжешь в постель и вдруг в голове – китайский император». Текст И.М.Сеченова 1863 г. можно с полным правом отнести и к научным, и к художественным достижениям русской мысли. А ведь его автор – не писатель, он имел образование инженера-топографа и врача. А дневники и мемуарные записи Н.И.Пирогова – сколько в них литературного мастерства и философской глубины! Недаром его классическое описание травматического шока кочует из книги в книгу вот уже около 150 лет. Работая над настоящей подборкой художественных произведений, в которых так или иначе отражены нервные и психические расстройства, в частности хронические интоксикации (алкоголизм), острые и хронические отравления, травмы головного мозга, суицидальные попытки, параличи, становление наркомании и т.д., конечно же, было невозможно привести исчерпывающую сводку примеров психоневрологических заболеваний из всей мировой литературы. Мы попытались собрать лишь наиболее яркие и медицински интересные отрывки или целые (короткие) произведения, причем не только русскоязычных писателей, но и тех зарубежных, которые в свое время были качественно переведены на русский язык и в настоящее время могут быть целиком доступны читателям благодаря Интернету. Стоит признать, что в настоящее время молодое поколение в массе своей стало не только меньше писать, но и читать. Общаясь со студентами-медиками в России и других странах на лекциях и практических занятиях, на научных форумах, мы можем констатировать, что выпускники современных российских школ на уроках литературы не читают, а «проходят» (мимо!) произведений ее классиков, некоторых из них даже за рубежом молодые читатели знают лучше (например, творения Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого и др.). Современная молодежь пополняет, к сожалению, свои литературные познания зачастую на просмотрах фильмов, поставленных «по мотивам» классических сочинений русских писателей, нередко совершенно далеких от подлинных сюжетов. Много ли нравственного и аутентичного можно почерпнуть после просмотра фильма Марты Файнс «Онегин» (Великобритания, США, 1998) с лейтмотивом выдаваемого за народную песню XIX века советского шедевра М.В.Исаковского на музыку И.О.Дунаевского «Ой, цветет калина в поле у ручья» и постельными сценами? Составители настоящего сборника получают громадное удовлетворение, если их труд пробудит у читателя, в частности, у молодого медика, желание прочесть целиком цитируемые в нем произведения и попытаться поставить диагноз болезням их героев.

Ю.И.Строев, Л.П.Чурилов

Айтматов Чингиз Торекулович

Чингиз Торекулович Айтматов (1928–2008) – киргизский советский писатель, писавший на киргизском и русском языках, по образованию – ветеринарный врач; народный писатель Киргизской ССР, Герой Социалистического Труда, общественный деятель, дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР (1990–1992) и РФ (с 1992 г.) в Великом Герцогстве Люксембург, в 1994–2006 гг. – Посол Киргизии в странах Бенилюкса.

Легенда о манкурте

...У кладбища Ана-Бейит была своя история. Предание начиналось с того, что жуаньжуаны, захватившие сарозеки в прошлые века, исключительно жестоко обращались с пленными воинами. При случае они продавали их в рабство в соседние края, и это считалось счастливым исходом для пленного, ибо проданный раб рано или поздно мог бежать на родину. Чудовищная участь ждала тех, кого жуаньжуаны оставляли у себя в рабстве. Они уничтожали память раба страшной пыткой – надеванием на голову жертвы шири. Обычно эта участь постигала молодых парней, захваченных в боях. Сначала им начисто обривали головы, тщательно выскабливали каждую волосинку под корень. К тому времени, когда заканчивалось бритье головы, опытные убийщики-жуаньжуаны забивали поблизости матерого верблюда. Освежившая верблюжью шкуру, первым делом отделяли ее наиболее тяжелую, плотную выйную часть. Поделив выю на куски, ее тут же в парном виде напяливали на обритые головы пленных вмиг прилипающими пластырями – наподобие современных плавательных шапочек. Это и означало надеть шири. Тот, кто подвергался такой процедуре, либо умирал, не выдержав пытки, либо лишался на всю жизнь памяти, превращался в манкурта – раба, не помнящего своего прошлого. Выйной шкуры одного верблюда хватало на пять-шесть шири. После надевания шири каждого обреченного заковывали деревянной шейной колодой, чтобы испытуемый не мог прикоснуться головой к земле. В этом виде их отвозили подальше от людных мест, чтобы не доносились понапрасну их душераздирающие крики, и бросали там в открытом поле, со связанными руками и ногами, на солнцепеке, без

воды и без пищи. Пытка длилась несколько суток. Лишь усиленные дозоры стерегли в определенных местах подходы на тот случай, если соплеменники плененных попытались бы выручить их, пока они живы. Но такие попытки предпринимались крайне редко, ибо в открытой степи всегда заметны любые передвижения. И если впоследствии доходил слух, что такой-то превращен жуаньжуанами в манкурта, то даже самые близкие люди не стремились спасти или выкупить его, ибо это значило вернуть себе чучело прежнего человека. И лишь одна мать найманская, оставшаяся в предании под именем Найман-Ана, не примирилась с подобной участью сына. Об этом рассказывает сарозекская легенда. И отсюда название кладбища Ана-Бейит – Материнский упокой.

Брошенные в поле на мучительную пытку в большинстве своем погибали под сарозекским солнцем. В живых оставались один или два манкурта из пяти-шести. Погибали они не от голода и даже не от жажды, а от невыносимых, нечеловеческих мук, причиняемых усыхающей, сжимающейся на голове сыромятной верблюжьей кожей. Неумолимо сокращаясь под лучами палящего солнца, шири стискивало, сжимало бритую голову раба подобно железному обручу. Уже на вторые сутки начинали прорастать обритые волосы мучеников. Жесткие и прямые азиатские волосы иной раз врастали в сыромятную кожу, в большинстве случаев, не находя выхода, волосы загибались и снова уходили концами в кожу головы, причиняя еще большие страдания. Последние испытания сопровождалось полным помутнением рассудка. Лишь на пятые сутки жуаньжуаны приходили проверить, выжил ли кто из пленных. Если заставали в живых хотя бы одного из замученных, то считалось, что цель достигнута. Такого поили водой, освобождали от оков и со временем возвращали ему силу, поднимали на ноги. Это и был раб-манкурт, насильно лишенный памяти и потому весьма ценный, стойкий десяти здоровых невольников. Существовало даже правило – в случае убийства раба-манкурта в междоусобных столкновениях выкуп за такой ущерб устанавливался в три раза выше, чем за жизнь свободного соплеменника.

Манкурт не знал, кто он, откуда родом-племенем, не ведал своего имени, не помнил детства, отца и матери – одним словом, манкурт не осознавал себя человеческим существом. Лишенный понимания собственного «я», манкурт с хозяйственной точки зрения обладал целым рядом преимуществ. Он был равнозначен бессловесной твари и потому абсолютно покорен и безопасен. Он никогда не помышлял о

бегстве. Для любого рабовладельца самое страшное – восстание раба. Каждый раб потенциально мятежник. Манкурт был единственным в своем роде исключением – ему в корне чужды были побуждения к бунту, неповиновению. Он не ведал таких страстей. И поэтому не было необходимости стеречь его, держать охрану и тем более подозревать в тайных замыслах. Манкурт, как собака, признавал только своих хозяев. С другими он не вступал в общение. Все его помыслы сводились к утолению чрева. Других забот он не знал. Зато порученное дело исполнял слепо, усердно, неуклонно. Манкуртов обычно заставляли делать наиболее грязную, тяжкую работу или же приставляли их к самым нудным, тягостным занятиям, требующим тупого терпения. Только манкурт мог выдерживать в одиночестве бесконечную глушь и безлюдье сарозеков, находясь неотлучно при отгонном верблюжьем стаде. Он один на таком удалении заменял множество работников. Надо было всего-то снабжать его пищей – и тогда он бессменно пребывал при деле зимой и летом, не тяготясь одичанием и не сетуя на лишения. Повеление хозяина для манкурта было превыше всего. Для себя же, кроме еды и обносков, чтобы только не замерзнуть в степи, он ничего не требовал...

Куда легче снять пленному голову или причинить любой другой вред для устрашения духа, нежели отбить человеку память, разрушить в нем разум, вырвать корни того, что пребывает с человеком до последнего вздоха, оставаясь его единственным обретением, уходящим вместе с ним и недоступным для других. Но кочевые жуаньжуаны, вынесшие из своей крошечной истории самый жестокий вид варварства, посягнули и на эту сокровенную суть человека. Они нашли способ отнимать у рабов их живую память, нанося тем самым человеческой природе самое тяжкое из всех мыслимых и немыслимых злодеяний. Не случайно ведь, причитая по сыну, превращенному в манкурта, Найман-Ана сказала в исступленном горе и отчаянии:

«Когда память твою отторгли, когда голову твою, дитя мое, ужи-мали, как орех клещами, стягивая череп медленным воротом усыхающей кожи верблюжьей, когда обруч невидимый на голову насадили так, что глаза твои из глазниц выпирали, налитые сукровицей страха, когда на бездымном костре сарозеков предсмертная жажда тебя истязала и не было капли, чтобы с неба на губы упала, – стало ли солнце, всем дарующее жизнь, для тебя ненавистным, ослепшим светилом, самым черным среди всех светил в мире?»

Когда, раздираемый болью, твой вопль истошно стоял среди пустыни, когда ты орал и метался, взывая к богу днями, ночами, когда ты помощи ждал от напрасного неба, когда, задыхаясь в блевотине, исторгаемой муками плоти, и корчась в мерзком дерьме, истекавшем из тела, перекрученного в судорогах, когда угасал ты в зловонии том, теряя рассудок, съедаемый тучей мушиной, проклял ли ты из последних сил бога, что сотворил всех нас в покинутом им самим мире?

Когда сумрак затмения застилал навсегда изувеченный пытками разум, когда память твоя, разъятая силой, неотвратимо теряла сцепления прошлого, когда забывал ты в диких метаниях взгляд матери, шум речки подле горы, где играл ты летними днями, когда имя свое и имя отца ты утратил в сокрушенном сознании, когда лики людей, среди которых ты вырос, померкли и имя девицы померкло, что тебе улыбалась стыдливо, – разве не проклял ты, падая в бездну беспамяты, мать свою страшным проклятьем за то, что посмела зачать тебя в чреве и родить на свет божий для этого дня?..»

История эта относилась к тем временам, когда, вытесненные из южных пределов кочевой Азии, жуаньжуаны хлынули на север и, надолго завладев сарозеками, вели непрерывные войны с целью расширения владений и захвата рабов. На первых порах, пользуясь внезапностью нашествия, в прилегающих к сарозекам землях они взяли много пленных, в том числе женщин и детей. Всех их погнали в рабство. Но сопротивление чужеземному нашествию возросло. Начались ожесточенные столкновения. Жуаньжуаны не собирались уходить из сарозеков, а, напротив, стремились прочно утвердиться в этих обширных для степного скотоводства краях. Местные же племена не примирялись с такой утратой и считали своим правом и долгом рано или поздно изгнать захватчиков. Как бы то ни было, большие и малые сражения шли с переменным успехом. Но и в этих изнурительных войнах были моменты затишья.

В одно из таких затиший купцы, пришедшие с караваном товаров в найманские земли, рассказывали, сидя за чаем, как минули они сарозекские степи без особых помех у колодцев со стороны жуаньжуанов, и упомянули о том, что встретили в сарозеках одного молодого пастуха при большом верблюжьем стаде. Купцы стали с ним разговор вести, а он оказался манкуртом. С виду здоровый, и не подумаешь никак, что такое с ним сотворено. Наверно, не хуже других был когда-то и речист, и понятлив, и сам совсем молодой еще, только-только усы пробиваются, и обличем недурен, а обмолвишься словом – вроде как

вчера народился на свет, не помнит, бедняга, не знает имени своего, ни отца, ни матери, ни того, что с ним сделали жуаньжуаны, откуда сам родом, тоже не знает. О чем ни спросишь, молчит, ответит только «да», «нет», и все время за шапку держится, плотно надетую на голову. Хотя и грешно, но и над увечьем люди смеются. При этих словах посмеялись над тем, что, оказывается, бывают такие манкурты, у которых верблюжья кожа местами навсегда прирастает к голове. Для такого манкурта хуже любой казни, если припугнуть: давай, мол, отпарим твою голову. Будет биться, как дикая лошадь, но к голове не даст притронуться. Такие шапку не снимают ни днем, ни ночью, в шапке спят... И, однако, продолжали гости, дурак дураком, но дело свое манкурт соблюдал – зорко следил, пока караванчики не удалились достаточно от того места, где бродило его стадо верблюдов. А один погонщик решил разыграть на прощание того манкурта:

– Путь далекий у нас впереди. Кому привет передать, какой красавице, в какой стороне? Говори, не скрывай. Слышишь? Может, платок передать от тебя?

Манкурт долго молчал, глядя на погонщика, а потом проронил:

– Я каждый день смотрю на луну, а она на меня. Но мы не слышим друг друга... Там кто-то сидит...

Амосов Николай Михайлович

Николай Михайлович Амосов (1913–2002) – советский и украинский ученый-медик, хирург, биокибернетик, геронтолог, писатель и общественный деятель, академик НАН Украины, Герой Социалистического Труда.

Умереть?

<...> Сколько раз в такие минуты приходила эта мысль! В борьбе, которую ведут хирурги, умирают только больные. Но в тот момент, когда сердце останавливается в твоих руках и жизнь, как вода, утекает между твоими пальцами, сколько раз хотелось все отдать, чтобы ее удержать! Полжизни. Всю жизнь. Но никто не берет в обмен. И больной умирает, а я остаюсь. Проходит время, и я не соглашаюсь меняться. Раздумал. Однако от каждого такого случая остается что-то, уменьшающее желание жить.

История нашей науки знает случаи самоубийства хирургов. Коломнин, ученик Пирогова, для обезболивания ввел в прямую кишку кокаин. Все продумал и проверил, но больной умер. Доктор пошел к себе в кабинет и застрелился.

Немец Блок в конце прошлого века пытался сделать двухстороннее одновременное иссечение верхушек легкого у тяжелого туберкулезного больного. Когда он вскрыл вторую плевральную полость, больной погиб. В тот же день отравился врач. Их хоронили одновременно.

Конечно, здравомыслящие люди скажут – сумасшедший! Если так, то всем врачам или по крайней мере хирургам нужно отправить на тот свет. Некому будет даже вырезать аппендикс.

Да, они перегнули, конечно. И рассчитывали они, наверное, плохо. Но я снимаю шапку перед их человеческими качествами. <...>

Андреев Леонид Николаевич

Леонид Николаевич Андреев (1871–1919) – русский писатель. Представитель Серебряного века русской литературы, родоначальник русского экспрессионизма и пионер отечественной цветной фотографии.

Мысль

Одиннадцатого декабря 1900 года доктор медицины Антон Игнатьевич Керженцев совершил убийство. Как вся совокупность данных, при которых совершилось преступление, так и некоторые предшествовавшие ему обстоятельства давали повод заподозрить Керженцева в ненормальности его умственных способностей.

Положенный на испытание в Елисаветинскую психиатрическую больницу, Керженцев был подвергнут строгому и внимательному надзору нескольких опытных психиатров, среди которых находился профессор Држембицкий, недавно умерший. Вот письменные объяснения, которые даны были по поводу происшедшего самим доктором Керженцевым через месяц после начала испытания; вместе с другими материалами, добытыми следствием, они легли в основу судебной экспертизы. <...>

Убитый мною Алексей Константинович Савелов был моим товарищем по гимназии и университету, хотя по специальностям мы разошлись: я, как вам известно, врач, а он окончил курс по юридическому факультету. Нельзя сказать, чтобы я не любил покойного; он всегда был мне симпатичен, и более близких друзей, чем он, я никогда не имел. Но при всех симпатичных свойствах он не принадлежал к тем людям, которые могут внушить мне уважение. Удивительная мягкость и податливость его натуры, странное непостоянство в области мысли и чувства, резкая крайность и необоснованность его постоянно менявшихся суждений заставляли меня смотреть на него, как на ребенка или женщину. Близкие ему люди, нередко страдавшие от его выходок и вместе с тем, по нелогичности человеческой натуры, очень

Базен Эрве (Жан-Пьер Мари Эрве-Базен)

Эрве Базен (1911–1996) – французский писатель, участник движения Сопротивления, президент Гонкуровской академии. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Рассказ Констанции

А теперь за работу, рычаги! Оглядываться незачем. Девушке, тем более девушке-инвалиду, всегда уступят дорогу. Я поворачиваю. Я поворачиваю, проехав мост Шарантон. Я наклоняюсь, как прежде при езде на велосипеде, и делаю крутой поворот, который выносит меня прямо на набережную Альфор. Источник неиссякаемого гула – решетка шлюза – погружает в реку все свои пятьдесят шесть ржавых прутьев. Я говорю пятьдесят шесть не наобум: девчонкой я пересчитывала их каждую неделю. Мощный каскад воды, низвергаясь, разделяется на потоки, похожие на борозды земли, выходящие из-под длинного ряда лемехов американского плуга, и гонит по течению белую пену. А на верхнем плесе славная медлительная старушка Марна матово поблескивает, покрытая листьями кувшинок и теньями облаков, которые делают сентябрьские реки похожими на пятнистую амальгаму гостиничных зеркал. <...>

По шоссе метров на сто впереди никого нет, если не считать двух велосипедистов, беспечно выписывающих зигзаги на своих дюралевых машинах с гоночным рулем и шинами-однотрубками – такие модели в почете у парней из пригорода. Они едут не спеша, выпрямившись в седле, одна рука на руле, вторая красноречиво, с увлечением комментирует последний матч регби.

Раздраженная их медлительностью, я прибавляю ходу, нагоняю их и даю пронзительный сигнал – повелительный гудок, не вызывающий и тени сомнения, что за ними едет автомашина. Они испуганно хватаются за руль двумя руками и шарахаются к тротуару. Но, увидев девушку, которая удобно сидит в коляске и обгоняет их с самой не-

Булгаков Михаил Афанасьевич

Михаил Афанасьевич Булгаков (1891–1940) – русский советский писатель, драматург, театральный деятель и актер. Окончил медицинский факультет Императорского университета Св. Владимира в г. Киеве. Работал земским врачом, как военврач участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Автор романов, повестей и рассказов, множества фельетонов, пьес, инсценировок, киносценариев, оперных либретто.

Мастер и Маргарита

<...> В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.

Более всего на свете прокуратор ненавидел запах розового масла, и все теперь предвещало нехороший день, так как запах этот начал преследовать прокуратора с рассвета. Прокуратору казалось, что розовый запах источают кипарисы и пальмы в саду, что к запаху кожи и конвоя примешивается проклятая розовая струя. <...> О боги, боги, за что вы наказываете меня?

«Да, нет сомнений! Это она, опять она, непобедимая, ужасная болезнь гемикрания, при которой болит полголовы. От нее нет средств, нет никакого спасения. Попробую не двигать головой».

На мозаичном полу у фонтана уже было приготовлено кресло, и прокуратор, не глядя ни на кого, сел в него и протянул руку в сторону.

Секретарь почтительно вложил в эту руку кусок пергамента. Не удержавшись от болезненной гримасы, прокуратор искося, бегло проглядел написанное, вернул пергамент секретарю и с трудом проговорил:

– Подследственный из Галилеи? К тетрарху дело посылали?

– Да, прокуратор, – ответил секретарь. <...>

Прокуратор дернул щекой и сказал тихо:

– Приведите обвиняемого.

И сейчас же с площадки сада под колонны на балкон двое легионеров ввели и поставили перед креслом прокуратора человека лет

над... я в нем найду участливость. Он что-нибудь придумает. Пусть ответит меня в Москву. Я не могу к нему ехать. Отпуск я получил уже. Лежу. В больницу не хожу.

На фельдшера я наклеветал. Ну, смеялся... Неважно. Он приходил навещать меня. Предлагал выслушать.

Я не позволил. Опять предлоги для отказа? Не хочу выдумывать предлога. Записка Бомгарду отправлена.

Люди! Кто-нибудь поможет мне?

Патетически я стал восклицать. И если кто-нибудь прочел бы это, подумал – фальшь. Но никто не прочтет.

Перед тем как написать Бомгарду, все вспоминал. В особенности всплыл вокзал в Москве в ноябре, когда я убежал из Москвы. Какой ужасный вечер. Краденый морфий я впрыскивал в уборной... это мучение. В двери ломались, голоса гремят, как железные, ругают за то, что я долго занимаю место, и руки прыгают, и прыгает крючок, того и гляди, распахнется дверь...

С тех пор и фурункулы у меня.

Плакал ночью, вспомнив это. <...>

1918 года 13 февраля на рассвете в Гореловке.

Могу себя поздравить: я без укола уже четырнадцать часов! 14! Это немислимая цифра. Светает мутно и беловато. Сейчас я буду совсем здоров?

По зрелому размышлению: Бомгард не нужен мне и не нужен никто. Позорно было бы хоть минуту длить свою жизнь. Таковую – нет, нельзя. Лекарство у меня под рукой. <...>

На рассвете 14-го февраля 1918 года в далеком маленьком городке я прочитал эти записки Сергея Полякова. И здесь они полностью, без всяких каких бы то ни было изменений. Я не психиатр, с уверенностью не могу сказать, поучительны ли, нужны ли? По-моему, нужны. <...>

Может быть, они нужны? Беру на себя смелость решить это утвердительно. <...>

Могу ли я печатать записки, подаренные мне?

Могу. Печатаю. Доктор Бомгард.

Бунин Иван Алексеевич

Иван Алексеевич Бунин (1870–1953) – русский писатель, переводчик и поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе (1933). В юношеские годы работал журналистом. Академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1909).

Господин из Сан-Франциско

<...> Побрившись, вымывшись, ладно вставив несколько зубов, он, стоя перед зеркалами, смочил и прибрал щетками в серебряной оправе остатки жемчужных волос вокруг смугло-желтого черепа, натянул на крепкое старческое тело с полнеющей от усиленного питания талией кремовое шелковое трико, а на сухие ноги с плоскими ступнями – черные шелковые носки и бальные туфли, приседая, привел в порядок высоко подтянутые шелковыми помочами черные брюки и белоснежную, с выпятившейся грудью рубашку, вправил в блестящие манжеты запонки и стал мучиться с ловлей под твердым воротничком запонки шейной. Пол еще качался под ним, кончикам пальцев было очень больно, запонка порой крепко кусала дряблую кожуцу в углублении под кадыком, но он был настойчив и наконец, с сияющими от напряжения глазами, весь сизый от сдавившего ему горло не в меру тугого воротничка, таки доделал дело – и в изнеможении присел перед трюмо, весь отражаясь в нем и повторяясь в других зеркалах.

– О, это ужасно! – пробормотал он, опуская крепкую лысую голову и не стараясь понять, не думая, что именно ужасно; потом привычно и внимательно оглядел свои короткие, с подагрическими затвердениями в суставах пальцы, их крупные и выпуклые ногти миндального цвета и повторил с убеждением: – Это ужасно...

Но тут зычно, точно в языческом храме, загудел по всему дому второй гонг. И, поспешно встав с места, господин из Сан-Франциско еще больше стянул воротничок галстуком, а живот открытым жилетом, надел смокинг, вправил манжеты, еще раз оглядел себя в зеркале... Эта Кармелла, смуглая, с наигранными глазами, похожая на мулатку,

Вересаев (Смидович) Викентий Викентьевич

Викентий Викентьевич Вересаев (1867–1945) – русский врач, выпускник медицинского факультета Юрьевского университета. Как военный врач участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Писатель, переводчик, литературовед, выпускник филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Лауреат последней в истории российской Пушкинской премии и советской Сталинской премии первой степени.

На повороте

<...> В дверь раздался стук.

– Войдите!

Вошел больничный фельдшер Антон Антоныч, в белом халате и розовом крахмальном воротничке. Был он бледен, на вспотевший лоб падала с головы жирная и мокрая прядь волос.

– Варвара Васильевна, Никанора привезли: взбесился!

– Да что вы?.. Никанор? Взбесился-таки?

– В телеге привезли из деревни, связанного... Я, изволите видеть, дежурный, а доктора нет. Уж не знаю, снимать ли его с телеги или доктора подождать. Больно уж бьется, страшно подойти. За доктором-то я послал.

Варвара Васильевна быстро надевала белый халат

– Ну, вот еще – ждать! Что ж ему так связанным и лежать?.. Пойдемте!

Они поспешно вышли.

Оставшиеся вяло молчали. Было очень жарко. Сергей сидел у окна и читал «Русские ведомости».

– Духота какая!.. Давайте, господа, на лодке покатаемся! – предложил Шеметов.

– Что ж, поедем.

– Только, господа, подождемте Татьяну Николаевну, – сказала Катя.

Сергей сердито возразил:

– Ну, вот еще! Ждать ее!.. Она, может быть, только к ночи воротится!

Лицо его было теперь нервное и раздраженное. Токарев усмехнулся:

– Я готов пари держать, что она с ним села в вагон, чтоб проехать одну-две станции!

Где-то с силою хлопнула дверь. В больничном коридоре тяжело затопали ноги. Кто-то хрипло выкрикивал бессвязные слова и хохотал. Слышался громкий и спокойный голос Варвары Васильевны, отдававшей приказания. Шум замер на другом конце коридора.

Варвара Васильевна вошла в комнату. Катя со страхом спросила:

– Что это такое? Правда, бешеный человек?

– Да. Ужасно жалко его! Такой славный был мужик – мягкий, деликатный, просто удивительно! И жена его, Дуняша, такая же... Его три месяца назад укусила бешеная собака. Лежал в больнице, потом его отправили в Москву для прививок. И вот, все-таки взбесился! Буянит, бьется, пришлось поместить в арестантскую.

Сергей встал.

– Ну, господа, идем. Будет ждать! Варя, хочешь с нами? Мы едем на лодке.

– Отлично! Идемте...

Они вышли на улицу. У Токарева все еще стоял в ушах дикий хохот больного. Он поморщился.

– А должно быть, тяжелое впечатление производят такие больные.

Варвара Васильевна опустила глаза и глухо ответила:

– Не знаю, на меня они решительно никакого впечатления не производят. Вот ушла оттуда, и на душе ничего не осталось. Как будто его совсем и не было.

В городском саду, где отдавались лодки, по случаю праздника происходило гулянье. По пыльным дорожкам двигались нарядные толпы, оркестр в будке играл вальс «Невозвратное время». Токарев сторговал лодку, они сели и поплыли вверх по течению.

Городской сад остался позади, по берегам тянулись маленькие домики предместья. Потом и они скрылись. По обе стороны реки стеною стояла густая, высокая осока, и за нею не было видно ничего. Солнце село, запад горел алым светом. <...>

Шеметов и Вегнер повернули к себе. Токарев пошел с Варварой Васильевной проводить ее до больницы. <...>

Они подошли к воротам больницы.

– Зайдите. Напьемся чаю.

В ее комнате было темно. Токарев зажег лампу.

Мопассан Ги де

Ги де Мопассан (1850–1893) – крупнейший французский новеллист, мастер рассказа с неожиданной концовкой. За девять лет опубликовал не менее 20 сборников короткой прозы, во многом близкой натурализму, брат врача.

Видение

Под конец дружеской вечеринки в старинном особняке на улице Гренель разговор зашел о наложении секвестра на имущество в связи с одним недавним процессом. У каждого нашлась своя история, и каждый уверял, что она вполне правдива.

Старый маркиз де ла Тур-Самюэль, восьмидесяти двух лет, встал, подошел к камину, облокотился на него и начал своим несколько дребезжащим голосом:

– Я тоже знаю одно странное происшествие, до такой степени странное, что оно преследует меня всю жизнь. Тому минуло уже пятьдесят шесть лет, но не проходит и месяца, чтобы я не видел его во сне. С того дня во мне остался какой-то след, какой-то отпечаток страха. Поймете ли вы меня? Да, в течение десяти минут я пережил смертельный ужас, оставшийся в моей душе навсегда. При неожиданном шуме дрожь проникает мне в самое сердце; если в темноте сумерек я неясно различаю предметы, меня охватывает безумное желание бежать. И, наконец, я боюсь ночи.

О, я никогда бы не сознался в этом, если бы не был в таком возрасте! Теперь же я во всем могу признаться. В восемьдесят два года позволительно не быть храбрым перед воображаемыми опасностями. Перед реальной опасностью я никогда не отступал, сударины.

Эта история до такой степени все во мне перевернула, вселила в меня такую глубокую, такую необычайную и таинственную тревогу, что я никогда о ней даже не говорил. Я хранил ее в тайниках моего существа, там, где прячут все мучительные позорные тайны, все слабости, в которых мы не смеем признаться.

Приложение

Список врачей-литераторов всех времен и народов¹

- Аарstrup Карл Людвиг Эмиль
Абдумомунов Токтоболот
Абиосех Никол
Абрамов Сергей Семенович
Абэ Кобо (Абэ Кимифуса)
Аве-Лаллеман Роберт Христиан
Бертольд
Авиценна (Ибн Сина Абу Али)
Адам из Ловеча
Азимов Джанет
Айтматов Чингиз Торекулович
Аксенов Василий Павлович
Александров Владимир Степанович
Аль-Асуани Аля
Аль-Каббани Монзер
Амосов Николай Михайлович
Ангелус Силезиус (Шеффлер Йоханнес)
Антонов Павел Владимирович
Арбетнот Джон
Аристотель
Арканов (Штейнбок) Аркадий Михайлович
Арутюнян Георгий Сагателович
Асуэла Мариано
Ашальчи Оки (Векшина Акилина Григорьевна)
- Баал-Махшовес (Эльяшев Израиль [Исидор] Захарович)
Балаян Зорий Айкович
Бальсон Борис Михайлович
Барнард Кристиан Нетлинг
Бароха-и-Несси Пио
Басанавичус Йонас
Беддоус Томас Лоуэлл
Бейкер Эрни
Белл Джозефин (Болл Дорис Белл)
Бенн Готфрид
Бердымухамедов Гурбангулы Мяликулыевич
Берн Эрик
Бернар Клод
Бернат из Люблина
Бильжо Андрей Георгиевич
Бильрот Теодор Альберт Христиан
Боборыкин Петр Дмитриевич
Богданов (Малиновский) Александр Александрович
Бой-Желеньски Тадеуш Камил Марциан
Боннэр Елена Георгиевна (Алиханова Лусик)
Ботвинник Семен Вульфович
Ботта Карло Джузеппе

¹ В данном списке перечислены не только классики или всемирно признанные писатели, но и множество наших современников, чья известность локальна или еще впереди. Это литераторы, пишущие в разных жанрах, а не только авторы художественных произведений. Составители стремились представить врачей, внесших вклад в письменную культуру и литературное наследие разных стран и эпох. Объединяют их только медицинская профессия и наличие опубликованных литературных произведений.